

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ

ИСПОВЕДЬ

Блаженный Августин

Исповедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627727

Аннотация

«Исповедь» Аврелия Августина, выдающегося христианского писателя, философа, богослова и проповедника IV–V вв. – это удивительное автобиографическое повествование о жизненных исканиях этого неординарного человека, обращении его от язычества к христианству и о его пути к святости. «Исповедь» – это полный искренней силы монолог души, вызывающей к Богу и к людям. Повествования Августина о его беспутной юности перемежаются на страницах книги с молитвенными и покаянными воззваниями, а увлекательные рассказы о жизни язычников, манихеев и неоплатоников, последователем которых был Августин в молодости, соседствуют тут с бесценными сведениями об условиях существования африканских христианских общин IV века. Книга помогает составить представление о философских и научных взглядах святого Августина, она является сокровищем мировой литературы, одним из первых образцов художественной прозы, созданных христианской традицией. Данное издание познакомит читателя с редким переводом «Исповеди» выполненным блестящим знатоком латыни – профессором Киевской духовной академии Давидом Подгурским (1803–1880).

Содержание

Книга первая	4
Книга вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Блаженный Августин

Исповедь

Книга первая

ГЛАВА I

«Велик Господь и достохвален; и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. CXUV, 3; CXLVI, 5). И вот человек, ничтожная частица творения Твоего хочет восхвалять Тебя, – человек, носящий в себе свою смертность и являющий повсюду свидетельство греховности своей и того, что Ты «противишься гордым» (Иак. IV, 6; I Пет. V, 5); и этот человек, столь незначительное звено в созданном Тобою, дерзает воспевать Тебе хвалу. Но Ты сам возбуждаешь его к тому, чтобы он находил блаженство в прославлении Тебя, ибо Ты создал нас для Себя, и душа наша дотоле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, уразуметь, должен ли я прежде призывать Тебя, а затем славословить, или вначале познать Тебя, а потом – призывать? Ибо кто может призвать Тебя, не зная Тебя? Или же надлежит призвать Тебя, дабы познать? «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о

Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?» (Рим. X. 14). И восхвалят Господа взыскующие Его. Ибо только ищущие могут обрести Его и обретающие – славословить Его. Итак, взыскую Тебя, Господи, призывая Тебя, и призываю Тебя, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Призывает Тебя, Господи, вера моя, дарованная Тобою, которую Ты вдохнул в меня человеколюбием Сына Твоего, служением Исповедника Твоего.

ГЛАВА II

И как призвать мне Бога моего, Бога и Господа моего? Взывая к Нему, призову Его в себя самого. Но где же то место во мне, куда призвал бы я Бога моего? Где вселится в меня Бог, сотворивший небо и землю? Есть ли, Господи, что-либо такое во мне, что могло бы вместить Тебя? И само ли небо и земля, созданные Тобою, вместе с которыми Ты создал и меня, – вмещают ли Тебя? Но если все сущее не было бы сущим без Тебя, то, выходит, Ты присущ всему сущему и ничто не может быть чуждо Тебя. А раз и я существую в ряду творений Твоих, то зачем домогаюсь, чтобы ты взошел в храмину души моей и водворился в ней, коль скоро я не был бы сущим, не будь Тебя во мне? Ведь не в аду же я, хотя Ты и там: «сойду ли в преисподнюю и там Ты» (Пс. CXXXVIII, 8). Не было бы меня, Боже, не было бы совсем, если бы Ты не был во мне; или, точнее, я не был бы, если бы не был в

Тебе, ибо «все из Него, Им и к Нему» (Рим. XI, 3б). Истинно, Господи, так! Куда же я зову Тебя, когда я сам – в Тебе? Или откуда Ты приидешь ко мне? И куда деваться мне с неба и земли, чтобы оттуда мог снизойти ко мне Бог, сказавший: «Не наполняю ли Я небо и землю» (Иер. XXIII, 24)?

ГЛАВА III

Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или, наполняя их, остаешься неместимым, ибо они не всего Тебя вмещают? Но куда изливаешь Ты то, что остается от Тебя, наполняющего небо и землю? Или Тебе, содержащему все, нет нужды содержаться в чем-либо, поскольку то, что Ты наполняешь, Ты и содержишь, Сам же не содержишься тем, что наполняешь? Ведь не сосуды же, наполняемые Тобою, делают Тебя неизменным и непреложным: сами они разбиваются и сокрушаются. Ты же Сам в Себе не терпишь от этого ущерба, ибо несколько от них не зависишь. И когда изливаешься на нас свыше, то нас восполняешь, а Сам не оскудеваешь; не ниспадаешь, а восстанавливаешь; не расточаешь Себя, а собираешь нас. Но, наполняя Собою все, всем ли Собою наполняешь? И если твари не могут вмещать Тебя, Творца всего, целиком, то не вмещают ли они Тебя по частям? И притом одинаково ли все, или по разному, например, большие (твари) – больше, а меньшие – меньше? И значит ли это, что в Тебе могут быть части, большие и меньшие?

Или Ты везде весь, но ничто не вмещает Тебя всецело?

ГЛАВА IV

Кто же Ты, Господи мой? Кто или что, как не Господь Бог. «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (Не. XVII, 32). Высочайший, совершеннейший, всемогущий, всеблагий и всемилосердный, в высшей степени правосудный и справедливый, недоступный и всем присутствующий, истинная красота и необоримая сила, неизменный, но изменяющий все, нестареющий и необновляющийся, но обновляющий все и старящий гордых в их неведении, всегда покоящийся и вечно творящий, все собирающий и ни в чем не нуждающийся, все носящий, наполняющий и поддерживающий, питающий и совершенствующий, обо всем заботящийся и ни в чем не имеющий недостатка. Ты любишь, но не волнуешься, ревнуешь, но не тревожишься, раскаиваешься, но не скорбишь, гневаешься, но не возмущаешься, изменяешь дела, но не изменяешь намерений, воспринимаешь, но не теряешь, ни в чем не нуждаешься, но, приобретая, радуешься, не корыстен, но требуешь лихвы. Тебе воздается, чтобы склонить к щедрости, но у кого есть что-либо, что не от Тебя? Ты воздаешь, платя долги, но кому же Ты должен? Прощая, оставляешь долги, ничего не теряя. Но что все слова мои, Господи мой, жизнь моя, радость и утеха моя? Но горе безмолвствующим о Тебе, когда и многоречивые немеют.

ГЛАВА V

Но кто даст мне успокоение в Тебе? Кто утешит меня, сделав так, чтобы снизошел Ты в душу мою и наполнил Собою сердце мое, дабы забыть мне все горе мое и Тебя, единое благо мое, воспринять и возлюбить? Что Ты для меня? Сжался, дозвошь говорить, и я скажу сам себе: что я сам для Тебя, что заповедуешь мне любить Тебя, и если я не буду любить Тебя, Ты вознегодуешь и ниспошлешь великие бедствия? Велики ли, или не столь уж и велики эти бедствия, если я не буду любить Тебя? Увы мне! Скажи мне из сострадания Твоего ко мне, Господи Боже мой, что Ты для меня. Скажи душе моей: «Я спасение твое» (Пс. XXXIV, 3). Скажи так, чтобы я услышал. Готово сердце мое и открыты уши для гласа Твоего: «Я спасение твое». И последую я за гласом Твоим, и настигну Тебя. Не укрой от меня лица Твоего: пусть я умру, но умру, увидев его.

Тесна храмина души моей, как войти Тебе в нее и как поместиться? Но Ты расширь ее. Она в руинах – восстанови и обнови ее. Знаю, много есть в ней нечистого, что оскорбит взор Твой, но кто очистит ее? К кому, как не к Тебе воззову я: «От тайных (грехов) моих очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною» (Пс. XVIII, 13,14)? «Я веровал, и потому говорил» (Пс. CXV, 1), Ты знаешь, Господи. Не пред Тобою ли исповедал я грехи

мои, Боже, избличая себя в них? И Ты простил мне неправды мои, остановил нечестие сердца моего. Мне ли судиться с Тобою, Который есть Истина? И самому себе я лгать не намерен, да не солжет мне неправда моя. Ибо «если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит?» (Пс. СХХІХ, 3).

ГЛАВА VI

Но все же дозвожь мне, Господи, хотя я – прах и пепел, дозвожь мне пред Твоим милосердием возвысить голос мой. Ведь я взываю к милосердию Твоему, а не к человеку, могущему высмеять меня. Пускай и Ты посмеешься, но Ты же, сжалившись, и помилуешь. Ибо что я хочу сказать Тебе, Господи мой! Начать с того, что я не знаю, откуда пришел сюда, в эту мертвую жизнь или живую смерть. И вот меня, пришельца, восприняло и утешило сострадательное милосердие Твое, как слышал я еще от плотских родителей моих, отца и матери, из которых Ты образовал меня. Сам я об этом ничего не помню, но знаю: вскормил меня молоком, по детской немощи моей, Твой благостный промысел. Не мать моя, не кормилица питали меня сосцами своими, но Ты через них подавал младенцу его детскую пищу по законам природы, предначертанным Тобою, по богатству щедрот Твоих, которыми Ты благодетельствуешь всякую тварь по мере потребностей ее. Ты также даровал мне ощущать, сколько требова-

лось мне еды, дабы я не требовал сверх меры, и в кормивших меня вложил желание давать мне то, что они давали. И они охотно давали мне то, что в изобилии получали от Твоих щедрот. Ибо благо мое было и их благом, и хотя ими передавалось мне, но происходило не от них, а через них совершалось Тобою, поскольку всякое благо – от Тебя, и от Господа моего – спасение мое. Я понял это гораздо позже, хотя уже тогда Ты взывал ко мне, ниспосылая Свои дары. Но в то время я умел лишь сосать материнскую грудь, покоиться на ее лоне, утешаться ее ласками и плакать, если чувствовал телесные неудобства.

Потом я научился смеяться, сперва во сне, а потом – и наяву. Так мне говорили, и я поверил, ибо видел тоже и у других младенцев, хотя о себе этого не помню. И вот уже я начал различать окружавшие меня предметы и стал пытаться сообщать о своих желаниях тем, кто мог бы их исполнить; но ничего не выходило, так как желания мои были во мне, а те, к кому я обращался – вне меня, и они не могли проникнуть в душу мою. Я подавал знаки и хныкал, но все это было убого и невыразительно, и понять меня никто не мог. И когда желания мои не выполнялись, то ли потому, что меня не понимали, то ли боялись, что их исполнение могло бы мне повредить, я негодовал и досадовал на старших, которые не подчинялись мне и не слушались, и сам себя наказывал за это плачем. Впрочем, таковы все младенцы, и сам я был таков: в этом убедили меня не столько мои воспитатели, сколько

сами не умеющие говорить и несознающие еще младенцы.

Но вот младенчество мое давно уже умерло, а я все еще живу; Ты же, Господи, живешь всегда и ничто не умирает в Тебе, ибо Ты – вечно сущий, прежде всего сотворенно-го; Ты – Бог и Владыка всего, что сотворено Тобою; у Тебя вечные причины всего преходящего, в Тебе непреложные начала всего изменяемого, и все, само по себе временное и беспокойное, находит в Тебе и у Тебя и вечную жизнь, и всегдашнее успокоение. Так ответь мне, припадающему к стопам Твоим, ответь по милосердию Твоему к недостойному рабу Твоему: предшествовал ли младенчеству моему какой-либо иной возраст, мною забытый, или же все это ограничивалось тем состоянием, в котором я пребывал в материнской утробе? Ибо и об этом времени со слов других кое-что мне известно, да и сам я видел беременных женщин. Но что же было до этого, Боже мой, радость моя, был ли я и до этого где-нибудь и чем-нибудь? Кто еще может дать ответ: и мать моя, и отец о том не знали, и другие не ведают, и опыт молчит. Не смейся над моим вопросом, но дозвошь восславить и исповедать Тебя, Господи, и за то небольшое, что я сумел познать.

Исповедую Тебя и исповедуюсь, Господи Боже, Владыка неба и земли, и благодарю за начато к жизни и младенчество, которых не помню, но о которых Ты даровал возможность догадываться и верить, слушая рассказы кормилиц и нянек и наблюдая за другими. Ибо я жил уже и тогда, хотя только

под конец младенчества стал искать знаки, с помощью которых мог бы сообщить свои чувства другим. Откуда же могло произойти это живое существо, как не от Тебя, Господи? И есть ли кто на свете, кто создал бы себя сам? И можно ли представить другую причину нашего бытия и нашей жизни, кроме Тебя, Господи, Творца и Создателя нашего, в Котором бытие и жизнь – неразделимы, ибо Ты сам – высочайшее бытие и высочайшая жизнь? Ты – Всевышний, Ты – неизменный. Для Тебя не проходит настоящий день, хотя он и проходит, ибо все – в Тебе. И как он мог бы пройти, когда бы неизменно не пребывал в Тебе? «Ты – тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. СІ, 28); эти лета Твои – не всегдашний ли, один и тот же непрерывный день? Сколько дней и лет наших протекли через этот Твой неизменный день, в нем и через него изменяясь, сколько еще протечет! И все наше прошлое, все будущее – все у Тебя в Твоем вечном сегодня. Кому-то неясны слова мои? – что за беда! Пусть молится не о том, чтобы искать Тебя, но чтобы найти, ибо стократ лучше не искать, но найти, чем, ища, не находить Тебя.

ГЛАВА VII

Услышь меня, Господи! Горе грехам человеческим! Так говорит человек, и Ты милосердствуешь о нем, ибо Ты сотворил его, но не грех – в нем. Кто расскажет мне о младенчестве моем, кто откроет мне грехи его? Ибо кто чист от гре-

ха пред Тобою? Никто, даже младенец, хотя бы он прожил один только день. Кто поведает мне об этом? Неужто другой младенец, в котором я увижу прегрешения свои?

Итак, в чем я тогда погрешил, или чем? Не тем ли, что, рыдая, жадно раскрывал рот, ловя сосцы матери моей? Ведь, раскрывай я подобным же образом рот сейчас, не в поисках материнского молока, конечно, а для принятия соответствующей моему возрасту пищи, я подвергся бы насмешкам и справедливому осуждению. Следовательно, и тогда я делал нечто предосудительное, но так как не понимал этого, да и не мог понимать, вряд ли это могло быть поставлено мне в вину. Осознание этого приходит с годами, но я не видел ни одного разумного человека, который бы, выметая из дома сор, выбрасывал и полезные вещи. И хорошо ли было, даже со скидкой на младенчество, плачем требовать недолжного, сердиться и негодовать на непослушных старших, даже на родителей, царапаться и драться и по мере сил всячески вредить за то, что не исполняли они детских капризов и причуд? Нельзя упрекать младенцев за слабость и немощь их тел, но душевные изъяны заслуживают порицания. Мне довелось видеть, например, завистливого малыша: он еще не умел говорить, но уже злобно и ревниво поглядывал на молочного брата. Да и многие могли наблюдать нечто подобное. Говорят, кормилицы замаливают в таких случаях грехи свои и как-то их искупают, но как – не знаю. Скажу одно: какая же это невинность, когда у груди матери, полных мо-

лока, один ребенок требует удаления от них другого, равно нуждающегося в этой пище? На это принято смотреть снисходительно; не потому, что это – пустяк, а потому, что с возрастом, как полагают, это должно пройти. Пожалуй, что так, но не всегда; и если не проходит, то справедливо осуждается и подвергается наказанию.

Итак, это Ты, Господи, дал жизнь младенцу и облачил его в тело, одаренное всеми чувствами, Ты составил его из разных членов и придал соразмерный вид, для самосохранения наделил всеми стремлениями и склонностями живого существа. Ты заповедуешь мне «славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний» (Пс. ХСІ, 2), ибо Ты – Бог всемогущий и всеблагий, и то, что Ты соделал, Художник и Промыслитель, дающий образ, и красоту, и строй всему по законам Своим, кто еще соделает?

Но этот возраст, Господи, возраст, о котором я ничего не помню и о котором сужу лишь по рассказам других или по наблюдениям за другими, – этот возраст с большой неохотой причисляю я к жизни моей, которой живу я в этом мире. Ибо помню я об этом возрасте не больше, чем о пребывании своем в материнской утробе. Но коль скоро «я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. L, 7), то где я, раб Твой, Господи, где и когда был я невинным? Итак, я оставляю это время, о коем дерзнул спросить Тебя. Да и что мне за дело до него, когда не сохранилось у меня о нем никаких воспоминаний, никаких следов.

ГЛАВА VIII

Прошло время, и из младенчества я вступил в отрочество; вернее, наступило отрочество, заменив собою младенческий возраст. Впрочем, и младенчество не покинуло меня, ибо куда ему было меня покинуть, но, однако же, его уже не было. Я перестал быть бессловесным младенцем, но стал отроком, умеющим произносить слова. И я уже помню об этом, помню, как научился говорить. Меня не обучали этому специально, показывая те или иные слова в определенном порядке, как это часто делали впоследствии, уча азбуке и письму, но сам я умом своим, дарованным мне Тобою, Боже, запомнил имена тех или иных вещей, называемых старшими, потому что не имел возможности выразить чувства души моей ни плачем, ни криком, ни какими-либо телодвижениями. Итак, старшие называли ту или иную вещь, затем, вновь обращаясь к ней, называли тем же именем, и это задерживалось в моей памяти. Помогало мне и то, что при этом использовались жесты, этот естественный и общий всем народам язык, что-то отражалось и в глазах, и в интонациях голоса; состояние души, желающей или отвергающей, так или иначе проявлялось во всех движениях тела. Так, часто слыша в разговорах одни и те же слова при одних и тех же обстоятельствах, я мало помалу научился понимать их значения, научился выговаривать их и ими выражать свои желания. И,

научившись пользоваться словесными знаками, я вступил в бурную жизнь человеческого общества, все еще, однако, завися от власти родителей и воли старших.

ГЛАВА IX

Господи Боже мой! Каких только бедствий и издевательств не испытал я тогда, когда мне, мальчику, вменялось в обязанность только одно: неукоснительно следовать наставлениям, чтобы прославиться в этом мире, преуспеть в науках и, прежде всего, в ораторском искусстве, открывающем путь к почестям и богатству. С этою целью меня послали в школу для изучения наук, пользы которых я, несчастный, понять не мог; а между тем, когда я ленился, меня секли. Так повелось исстари, и многие, жившие задолго до нас, проложили эти скорбные пути, умножавшие труды и болезни сынов Адамовых. Впрочем, встретились мне люди, обратившиеся к Тебе, Господи, и я научился у них чувствовать и мыслить о Тебе, как о некоем Великом Существе, скрытом от нас, но могущем услышать и помочь. И я, мальчишка, начал молиться Тебе, прося о заступничестве и убежище. Преодолев детское косноязычие, я молил Тебя, чтобы не секли меня в школе, но Ты не внимал мольбам моим, и родители, которые, конечно, не желали мне зла, смеялись надо мною, что особенно печалило меня и повергало в уныние.

Господи! Найдутся ли возвышенные души, воспламенен-

ные такую любовью к Тебе, великие умы, столь беззаветно преданные Тебе, что не смутят их ни козлы, ни когти, ни иные орудия пыток, об избавлении от которых денно и нощно молят Тебя по всей земле? И будут ли они так же равнодушно взирать на тех, кто страшится подобных мук, как бывают равнодушны родители наши к тем мучениям, которым подвергаются дети от своих учителей? Как мы боялись этих мучений, как горячо молили Тебя избавить нас от них, а между тем грешили, ленясь учиться и писать, и читать, и размышлять, как от нас того требовали учителя. Ведь была же у меня и хорошая память, и живой ум, коими Ты благоволил наделить меня, Господи, но я предпочитал игры, терпя от тех, кто любил то же самое. Но взрослые называют свои игры делом, а за детские дела детей наказывают. Я терпел побои за игру в мяч, из-за которой забывал учить буквы, которыми потом, став большим, играл в куда более мерзкие игры. И разве учитель, бивший меня, занимался не тем же самым? Ведь если в состязании он бывал побежден более ученым и сведущим, разве его меньше душили обида и зависть, чем меня, когда мой товарищ побеждал меня в игре?

ГЛАВА X

Как я грешил, Господи, все сотворивший и все сдерживающий; грехи, впрочем, только сдерживающий. Я грешил, пренебрегая наставлениями родителей и учителей, хотя гра-

мотность принесла мне впоследствии немало пользы; я был непослушен не из стремления к лучшему, а из лени и любви к игре. Я любил быть первым в играх и гордился, когда побеждал. Но уже разбужено было мое любопытство, и я жадно ловил слухи и сплетни, все больше мечтая посетить зрелища, игры взрослых. Их устроители занимают высшие должности, те, которые прочат своим детям многие родители, а между тем не возражают, чтобы детей секли, если эти зрелища мешают учебе. Выходит, родители хотят, чтобы хорошая учеба дала их детям возможность устраивать такого рода зрелища. Взгляни на это, Господи, взгляни милосердно; освободи нас, обратившихся к Тебе, освободи и тех, кто еще не обратился: да обратятся они и да станут свободными.

ГЛАВА XI

Я уже слышал о вечной жизни, обещанной нам через уничижение Господа, нисшедшего к нашей гордыне. Я был озаменован крестным знамением Его и освящен солью ' при рождении из чрева матери моей, уповавшей на Тебя, Боже. Ты видел, как еще мальчиком я так болел животом, что чуть не умер; Ты видел это, ибо уже тогда был хранителем моим, Ты видел, сколь благочестиво молил я мать мою, а через нее – и мать нашу Церковь, чтобы меня окрестили во имя Христа, Бога и Господа моего. И мать моя, веруя в Тебя и вынашивая в чистом сердце своем вечное мое спасение, уже гото-

вилась омыть меня и приобщить к святым таинствам Твоим ради отпущения моих прегрешений, но я внезапно выздоровел. Очищение мое тут же было отложено, как будто оставшись в живых я должен был прежде еще больше вымараться в грязи, будто бы грязь прегрешений, совершенных после святого омовения, была еще грязнее.

Итак, я уже веровал; верили и мать моя, и все домочадцы, кроме отца, которому, однако, не удалось одолеть во мне уроков материнского благочестия и удержать от веры в Христа, в Которого сам он не верил. Благодаря матери моей отцом моим скорее был Ты, чем он; Ты возвысил ее над мужем, но Ты же ее и подчинил ему.

Господи, если будет Тебе угодно, ответь, зачем было отложено крещение мое? Чтобы освободить пути греховному зуду моему? Почему и доселе приходится мне слышать, как говорят о том или ином грешнике: «Пусть его! Ведь он еще не крещен»? Ведь если речь идет о здоровье тела, никто не скажет: «Пусть его продолжают ранить: он ведь все равно болен». Разве не легче и быстрее выздоровел бы я, поддерживаемый своими близкими. Т. е. был совершен обряд, «предваряющий крещение», но не само крещение, которое предпочитали совершать в зрелом возрасте, дабы этим смыть все предшествующие грехи.

Если бы было даровано мне крещение Твое, осенившее спасение души моей? Впрочем, мать моя знала, скольким искушениям подвергается человек, выходящий из детского

возраста, и предпочитала, чтобы им подвергался прах земной, а не образ Божий.

ГЛАВА XII

В детстве моем, таившем меньше опасностей, нежели юность, я не любил занятий и не терпел, когда меня к ним принуждали; меня же к ним принуждали, и это было благом для меня, но я противился благу; если бы меня не принуждали, я бы и не учился. Принуждение человека к чему-либо против его воли – не есть добро, даже если то, к чему его принуждают – добро. И принуждавшие меня поступали дурно, хорошим же это стало для меня по Твоей воле, Боже. Ведь помыслы принуждавших были направлены на то, чтобы выученное мною я приложил к обретению нищего богатства и позорной славы. Ты же, у Которого наши «волосы на голове все сочтены» (Мф. X, 30), использовал заблуждения заставлявших меня учиться мне во благо, мои же, т. е. лень и нежелание учиться, – для справедливого наказания, которое заслужил я – малый отрок и великий грешник. Так благодетельствовал Ты меня через заблуждавшихся и карал за мои собственные грехи. Ибо такова воля Твоя: да несет всякая неустроенная душа наказание в себе же самой.

ГЛАВА XIII

Но почему я так ненавидел греческий, которому меня пытались обучать с раннего детства? Этого я понять не могу. Латынь я любил, хотя и не ту, которой обучают в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков¹. Начальное же обучение чтению, письму и счету тяготило меня не меньше греческого. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, от плоти и дыхания, «которое уходит и не возвращается» (Пс. LXXVII, 39). Это начальное обучение, благодаря которому я обрел возможность читать и писать, было, конечно же, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли учить о скитаниях какого-то Энея, забывая о своих собственных, плакать над Дидоной, покончившей с собою из-за любви, в то время как сам я, несчастный, умирал на них для Тебя, Господи, любовь Моя.

Воистину, жалкое зрелище: оплакивающий Дидону, умершую от любви к Энею, не оплакивает себя, умирающего из-за отсутствия любви к Тебе, Господи, светоч сердца моего, хлеб души моей, сила ума моего, лоно мысли моей. Я не любил Тебя и изменял Тебе, и гул одобрений сопровождал изменника. Дружба с этим миром – измена Тебе; ее приветствуют и одобряют, и люди стыдятся быть не такими, как

¹ Т. е. уроки литературы – чтение и толкование поэтов и прозаиков.

все. Итак, я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, ушедшей к последним пределам»², – я, шедший сам за последними творениями Твоими, покинувший Тебя прах, идущий к праху. Я опечалился бы, если бы у меня отняли эту книгу, печалившую меня! И такие-то глупости почитаются более почетным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму! Господи, да прозвучит сейчас в душе моей правда Твоя: да не будет! Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я скорее готов позабыть про мытарства Энея, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают завесы, но это не знаки почтенных тайн, а стыдливое прикрытие заблуждений. Пусть не возмущаются они, услышав эти слова: я их уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже, в том, чего жаждет душа моя; мне приносит успокоение, когда, осуждая злые пути свои, я прилепляюсь к Твоим благим путям.

Пусть же умолкнут возмущенные крики продавцов и покупателей литературной премудрости; ведь если спросить их, правду ли сказал поэт, что Эней некогда прибыл в Карфаген, то те, кто попроще, ответят, что не знают, более же сведущие определенно скажут, что – нет. Но если я спрошу, сколько букв в имени «Эней», все, обучавшиеся грамоте и счету, ответят правильно, в соответствии с принятым у людей значением букв и цифр. И если я задам им вопрос, что причинит им в жизни больше неудобств: забвение гра-

² Вергилий. Энеида, кн. VI-ая.

моты или поэтических басен, то разве непонятно, что ответит любой здравомыслящий человек? Таким образом, я грешил уже тем, что предпочитал пустые рассказы полезным урокам, а точнее – любя первые и ненавидя последние. Один да один – два; два да два – четыре. Господи, как ненавидел я эту волюнку! И сколь сладостным было для меня это зрелище: деревянный конь, наполненный воинами, горящая Троя и «тень Креусы самой»³.

ГЛАВА XIV

Но почему ненавидел я греческую литературу, где подобными баснями пруд пруди? Кто в этом деле искуснее Гомера? А между тем, хотя в своей суетности он столь сладок, мне, отроку, он был горше горького. Я полагаю, что и Вергилий будет противен греческому юнцу, если его будут принуждать изучать Вергилия также, как меня – Гомера. Трудности, обычные при изучении чужого языка, были желчью, полившею мед греческих баснословий. Я еще и слова не мог понять по-гречески, а от меня уже требовали, чтобы я заучивал их, и грозились суровыми карами. Ведь младенцем я не знал и латыни, но выучился ей на слух безо всякого страха и мучений от кормилиц, шутивших и игравших со мною, среди ласковых речей, веселья и смеха. Никто не принуждал

³ Вергилий. Энеида, кн. 11-ая. Креуса – жена Энея.

меня, кроме собственного моего сердца, понуждавшего рож-
дать зачатое, что было бы невозможно, не выучи я, не на уро-
ках, а во время бесед, тех слов, при помощи которых я мог
сообщить другим свои мысли. Поэтому ясно, что для изуче-
ния языка свободное любопытство куда важнее, чем грозная
необходимость. И первому, по законам Твоим, всегда пре-
граждает путь второе; по тем Твоим законам, Господи, ко-
торые управляют и учительской линейкой, и искушениями
праведников; по которым надлежит проливаться спаситель-
ной горечи, дабы отвратила она нас от смертоносной сладо-
сти, уводящей от Тебя.

ГЛАВА XV

Внемли, Господи, молитве моей, да не ослабеет душа моя
под водительством Твоим, да не ослабею я сам, свидетель-
ствуя пред Тобою о милосердии Твоем, отвратившем меня
от злых стезей моих. Будь сладостнее всех сладостных со-
блазнов, соблазнявших меня. Да возлюблю Тебя всеми сила-
ми души моей, да прильну к Твоей благодати всем сердцем
моим. Избави меня, Господи, от всех искушений до конца
моих дней. Да служат Тебе, Господи, Царь мой, Бог мой, все
то доброе, чему выучился я отроком: и слово мое, и писа-
ние, и чтение, и счет. Когда увлекали меня суетные науки,
Ты взял меня под Свое начало и отпустил мне грехи моего
суетствования. Ведь многое даже из того пошло мне на поль-

зу, хотя я мог бы познать все это, занимаясь и чем-нибудь лучшим.

ГЛАВА XVI

Горе людскому обычаю, бурно несущему нас в своем потоке. Кто воспротивится ему? Когда он утихнет? Доколе будет увлекать нас в огромное и страшное море, переплыть которое могут разве взошедшие на корабль? Разве не читал я, влекомый этим потоком, о Юпитере, что и гремел, и прелюбодействовал? Такое трудно вообразить, а между тем нас хотят убедить, что было и прелюбодеяние, и гром. Кто из учителей, гордо завернувшись в свой плащ, прислушался бы к словам человека, такого же праха, как и они, который бы сказал: «Гомер перенес человеческие пороки на богов. Лучше бы он научил людей божественным добродетелям»? Впрочем, басни – баснями, но когда преступным людям приписывают божественные достоинства, то порок перестает считаться пороком, и порочный выставляет себя подражателем уже не человеческой низости, а божественной высоты.

И в этот адский поток бросают сынов человеческих, чтобы они изучали все это, да еще и за плату! Сколь достойное дело делается публично на форуме пред лицом законов, назначающих (учителям) сверх платы от учеников еще и плату от города! Но вот поток. ударяясь о скалы, звенит. «Тут учатся говорить, приобретают красноречие, необходимое для убеж-

дения и передачи мыслей». Действительно, где бы еще могли мы выучиться таким словам, как «золотой дождь», «лоно» «обман», если бы Теренций не изобразил молодого повесу, который, увидев фреску, решил подражать Юпитеру в своем разврате. Он увидел на рисунке, как Юпитер некогда обманул Данаю, пролив на лоно ее золотой дождь. И вот уже наш герой разжигает свою похоть, как бы получив добро с небес: Великий бог, небесный храм сотрясший громом! Ну, как не совершить мне то же, человеку малому⁴?

Беда не в том, что эти слова легко запоминаются в силу их мерзкого содержания, а в том, что они позволяют легче совершать сами мерзости.

Я осуждаю не слова, эти драгоценные сосуды, а вино заблуждения, которое нам подносят в них пьяные учителя. А попробуй не пей: высекут и не позволят обратиться в суд! И однако, Господи, пред очами Твоими я могу вспоминать об этом спокойно: да, я охотно учился этому, даже наслаждался; и потому обо мне говорили: сей отрок подает большие надежды!

ГЛАВА XVII

Позволь, Господи, покаяться в тех глупостях, на которые растрачивал я дарованные Тобою способности. Помню, за-

⁴ Теренций. Евнух.

дали мне подготовить и произнести речь Юноны, раздосадованной тем, что не может перекрыть путь тевкрам⁵ в Италию. Наградой была похвала, наказанием – насмешки и розги. Я никогда не слышал о подобной речи, но нас заставляли выискивать это в поэтических баснях, дабы затем высказать в прозе описанное в стихах. И чем лучше мог изобразить кто-либо гнев и печаль, чем точнее были подобранные им слова, тем большего он заслуживал одобрения. Но что мне с того, Господи мой, жизнь моя, что мне за мои декламации рукоплескали больше, чем моим соученикам? Разве все это не ветер и дым? Неужто не было лучших тем для упражнения памяти и языка? Восхваление Тебя, Господи, славословие Тебя из Писания – вот что должно было служить опорой сердца моего! Тогда его не увлекли бы, как жалкую добычу крылатых стай, глупости и суета. Не на один ведь лад приносятся жертвы падшим ангелам.

ГЛАВА XVIII

Что же удивительного в том, что меня захватила суета и я удалялся от Тебя, Господи, во внешнее? Мне приводили в пример людей, боящихся упреков в варваризмах и солесцизмах даже тогда, когда они говорили о своих добрых поступках; они гордились не самими делами, а похвалами за

⁵ Т. е. троянцам. Название происходит от имени их первого царя Тевкра.

рассказ, если он был составлен в правильных, хорошо согласованных и красивых словах. Ты видел это, Господи, но молчал, «долготерпеливый и многомилостивый» (Пс. СИ, 8). Всегда ли будешь молчать? И сейчас ты вызволяешь из этой бездонной пропасти душу, взыскующую Тебя, ибо «сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. XXVI, 8). Сколь далек был от лица Твоего я, омраченный похотью сердца моего. Ведь уходят от Тебя и возвращаются не перебирая ногами в пространстве. Разве Твой младший сын искал лошадь или корабль? Улетел ли он на неведомых крыльях, или ушел пешком в дальние страны, чтобы там растратить состояние, которое Ты дал ему перед уходом? А ведь Ты дал его, любящий Отче, и дал еще, когда тот вернулся к Тебе нищим. Он жил беспутно, во мраке страстей, а это и значит – быть далеко от лица Твоего.

Взгляни, Господи, взгляни долготерпиво, как тщательно выполняют сыны человеческие правила составления букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров красноречия, и сколь небрежны они в соблюдении полученных от Тебя не преложных правил вечного спасения! Ведь если человек, обучающий ораторскому искусству, произнесет слово *homo* без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если он, вопреки заповедям Твоим, возненавидит другого человека. Неужто же какой-либо враг может быть опаснее, чем сама ненависть к этому врагу? Гу-

бит ли преследование другого больше, чем губит собственное сердце ненависть к нему? И неужели знание грамматики глубже запечатлевается в сердце, нежели сознание того, что ты желаешь ближнему нечто такое, чего себе не пожелал бы вовек? О, как далек Ты в Своих безмолвных высотах. Боже, посылающий по законам Своим карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек, стремясь заслужить славу великого оратора, окруженный толпою людей с неистовою злобой преследует своего врага, он не побоится потребовать убрать его из общества людей, но при этом будет всячески остерегаться сказать «общества людей».

ГЛАВА XIX

Вот к какой жизни готовился я, несчастный, вот на каком ристалище упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем зависть к тем, кто сказал лучше меня. Говорю Тебе, Господи, и исповедуюсь в том, за что хвалили меня тогда те, чье одобрение во многом определяло в то время терпимость моего существования. Я не видел той пучины мерзостей, в которой был «отвержен я от очей Твоих» (Пс. XXX, 23). Но я был еще хуже, ибо вызывал неудовольствие даже и у тех людей: я без конца обманывал и воспитателей, и учителей, и родителей моих, ибо предпочитал всему забавы, кривляния и пустые зрелища. Я воровал со стола и из кладовой, и не только из-за обжорства, но и чтобы купить себе новые иг-

рушки. И в игре не раз я обманным путем добивался победы, сам побежденный при этом пустою жаждою превосходства. А ведь когда я замечал нечто подобное за другими, то как ненавидел это, как преследовал подобные поступки! Но если сам попадался, то упростиовал и все отрицал.

Это ли невинность детская? Нет, Господи, нет; молю Тебя, Боже мой! Ведь так всегда: вначале от воспитателей и учителей – орехи, мячики и воробыл, затем от перфектов и царей – золото, поместья и рабы, а вместо линеек и розг – тюрьмы и кандалы. Итак, Царь наш, ты лишь одобрил смирение, когда сказал о ребенке: «Таковых есть Царство Небесное» (Мф. XIX, 14).

ГЛАВА XX

И все же, Господи, благодарю Тебя, всевышнего и всеблагого Творца и Правителя мироздания, и благодарил бы даже в том случае, если бы благоугодно было Тебе, чтобы жил я не долее детства. Ибо я и тогда существовал, жил и сознавал свое бытие, заботясь о своем самосохранении, как бы об образе Того Единого, от которого я произошел, сберегая по сокровенному влечению целостность чувств моих даже в малом и услаждаясь истиной в самых ничтожных вещах. Я не хотел обманываться и обманывать, обладал хорошей памятью и речью, радовался дружбе, избегал уныния, неприязни и невежества. Разве не удивительно и не заслуживает одоб-

рения такое живое и одушевленное существо? А ведь все это – дары Господа моего, все это – добро и все это – я. Итак, благ Тот, Кто создал меня, и сам Он – благо мое, и я не устану благодарить Его за все те блага, которыми пользовался, будучи еще мальчиком. Грешил же я потому, что не в Нем самом, а в себе и других тварях Его искал наслаждений, всего высокого и изящного, всего истинного. И это вело меня к страданиям и томлениям, смятению и замешательству, заблуждениям и ошибкам.

Благодарю Тебя, радость моя, слава моя и упование мое, Боже мой; еще и еще благодарю Тебя за дары Твой; да сберегутся они; так соблюдешь Ты меня, и то, что даровано Тобою, я сохраню и умножу, и сам я пребуду с Тобою, ибо и бытие мое – от Тебя.

Книга вторая

ГЛАВА I

Я хочу вспомнить сейчас все прошлые грехопадения мои и похотствования души не затем, чтобы любоваться ими, но чтобы еще сильнее возлюбить Тебя, Боже. Вспоминая о путях нечестия своего и горестно размышляя над ними, я стремлюсь лишь к одному: чтобы Ты стал единственной любовью моею, любовью истинной, неисчерпаемой и неизменной; хочу, чтобы Ты собрал меня, рассеянного и раздробленного в своем удалении от Тебя, воедино. Ибо было в юности моей время, когда сгорал я в адском пламени плотских похотей и погрязал в тине любовных похождения; и иссохло лицо мое, и стал я мерзок пред очами Твоими, любуясь собою и стараясь нравиться любившим меня.

ГЛАВА II

В чем искал я наслаждений, как не во взаимности любви, в том, чтобы любить и быть любимым? Но душе в этом ее устремлении не доставало меры, и я не хотел довольствоваться доброй дружбой; напротив, поднималась во мне бу-

ря нечистых страстей и омрачала сердце мое, так что я не мог уже отличить светлой чистоты любви от мрачной грязи похоти. То и другое смешалось во мне и увлекло слабый возраст в стремнину страстей и бездну пороков. Возобладал надо мною гнев Твой, Господи, но я не заметил и не понял этого. Я был как бы оглушен звоном цепей бренности моей — наказанием за мою гордыню. Так я все дальше удалялся от Тебя, и Ты не препятствовал мне. Я не стеснялся превозноситься самыми постыдными делами, на которые я был тогда охоч, почитая их чуть ли подвигами и стараясь превзойти других позорным удалством, поскольку только этим и восхищались в кругу своевольных юнцов; а Ты все молчал! О, глупые восторги! о, бессмысленные наслаждения! Но Ты терпел и это, видя мое падение, мою нелепую гордость отверженностью и бессилием своим.

Где мне было искать того, кто принял бы во мне участие и вызволил из этой беды, кто обратил бы преходящие удовольствия мои мне же во благо, положив предел их обольстительной силе? И вправду, лучше уж бурным волнам юности моей было разбиться о берег супружеской жизни, когда все свелось бы к рождению детей по закону Твоему, Господи, по которому Ты через нас творишь и образуешь преходящие поколения смертных, очищая им путь от терний и волчцов, коих нет в вертограде Твоем. Ибо всемогущество Твое всегда рядом с нами, хотя бы мы и удалились от Тебя. О, если бы я внял гласу грома Твоего: «Таковые (т. е. вступающие в

брак) будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль», и еще; «Хорошо человеку не касаться женщины», а также: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (I Кор. VII, 28; 1; 32). Если бы вслушался я в эти слова, став скопцом для царства небесного, с каким бы восторгом ожидал я объятий Твоих!

Но я, несчастный, сгорал в огне страстей вдали от Тебя; пограл я Твои законы и не избежал за то правосудных наказаний Твоих; да и кто из смертных избежал? Ибо Ты всегда сопровождаешь нас и милосердием, и строгостью, и все преступные удовольствия отравляешь горечью и досадой, понуждая искать удовольствий чистых и безупречных. А где найти такие, как не в Тебе, Господи, Который «умерщвляет и оживляет, поражает и исцеляет» (Втор. XXXII, 39), дабы не умерли мы без Тебя?

Где же был я, как долго скитался вдали от истинного утешения – дома Твоего? Мне было шестнадцать лет, когда покорило плоть мою сумасбродство и бешенство похоти, извиняемое человеческим бесстыдством, но воспрещаемое законом Твоим. Домашние мои не позаботились уберечь меня женитьбой; их волновало только одно: чтобы я преуспел в красноречии и стал известным оратором.

ГЛАВА III

Впрочем, в том году мои занятия были прерваны, и я был отозван из Мадавыры⁶, соседнего городка, где изучал словесность и ораторское искусство. Копились деньги для отправки меня в Карфаген, ибо отец мой, человек небогатый, был крайне честолюбив. Но кому я говорю все это? Конечно, не Тебе, Боже, но пред Тобою – всему роду человеческому, всем тем немногим, кому доведется прочесть эти строки, дабы и они поразмыслили, из какой «глубины взываю к Тебе, Господи» (Пс. СХХIX, 1) и как склонен Ты внимать душе, исповедую ей Тебя и исповедующейся Тебе.

Как все тогда хвалили моего отца, не жалеющего последних средств ради обучения сына и посылающего его в столь дорогую и дальнюю поездку, в то время как многие куда более зажиточные сограждане ни о чем подобном и не помышляли! Но тот же отец не обращал ни малейшего внимания на то, каким я расту, сколь чист я пред очами Твоими, как преуспел в духовной жизни; он желал одного: чтобы я был красноречив, хотя бы для этого мне пришлось вовсе оставить Тебя, вернее, я был бы оставлен попечением Твоим, Господи, единый и истинный хозяин нивы Твоей – души моей.

Итак, мне шел шестнадцатый год, и я, забросив на время

⁶ Город в Нумидии, расположенный неподалеку от Тагасты, родного города Августина.

занятия, жил в родительском доме в совершенной праздности; тут-то терния похотей буйно разрослись в голове моей, и не было рядом никого, кто выкорчевал бы их милосердной рукою. Более того, отец мой, увидев в общественных банях, что я достиг уже возмужалости, обрадовался и тут же сообщил об этом матери, будто бы мечтая уже о будущих внуках, радуясь тому опьянению, в котором мир забывает Творца своего, предпочитая Творцу сотворенную Им тварь и оставляя духовное наставление святых заповедей Божиих ради пучины плотских похотей. Но Ты уже положил в сердце матери моей основание храма Твоего и начало святого жилища Твоего. Я был тогда еще только оглашенным, а потому мать, объятая благоговейным трепетом, зная, что я еще не был в числе верующих, боялась за меня, чтобы я не пошел по кривым путям, по которым ходят отвратившиеся от Тебя.

Увы мне! Как посмел я говорить, что Ты, Господи, безмолвствовал, когда я удалялся от Тебя? Неужто же это было безмолвием, когда Ты говорил со мною через верную рабу Твою, мою мать? Но и этот голос не проникал в сердце мое, и я не внимал ему. Мать заботливо внушала мне, когда мы оставались наедине, чтобы я остерегался прелюбодеяний, в особенности же с замужними женщинами. Но эти материнские советы казались мне чем-то слишком женским, и я стеснялся прислушиваться к ним. Между тем, то был голос Твой, но я не замечал этого и не мог понять. Я думал, что она говорит от себя, и в лице рабы Твоей ее сын уничижал Тебя.

С безумным ослеплением хватался я за все дурное, стыдясь, что среди сверстников моих было немало более порочных, чем я. Странное это было общество: здесь гордились пороками и стыдились добродетелей, и я пускался во все тяжкие не столько из пристрастия к дурному, сколько ради победы в состязании по удалству. Что может быть постыднее порока? А я стремился стать порочнее, чтобы избежать стыда! А если мне не удавалось перещеголять их на деле, то я измышлял всевозможные байки, лишь бы показаться лучшим, чем другие.

Вот с какими товарищами блуждал я улицами вавилонскими и валялся в нечистотах, как в ваннах из душистых и благовонных трав. И в самой сердцевине этого болота поджидал меня враг, завлекая все новыми и новыми забавами. И мать моя по плоти, которая бежала «из среды Вавилона» (Иер. LI, 6), обходя окраины его, хотя и уговаривала меня хранить целомудрие, но, с другой стороны, старалась устроить мою судьбу согласно с желаниями своего мужа, который считал вредными для моего будущего узы брака, которые могли бы обуздать порывы страстей моих, хотя и не устранить их вовсе. Она боялась, что подаваемые мною надежды могли быть скованы ранней женитьбой; не те надежды, которые она возлагала на Тебя в будущем веке, а надежды на мою карьеру в веке сем, о которой мечтали и отец и мать; отец, который о Тебе и не помышлял, а обо мне помышлял только суетное; мать же полагала, что светское об-

разование не только не будет препятствием на пути к Тебе, но, напротив, весьма в этом поможет. Так, насколько я помню, рассуждали мои родители. Мне предоставили излишне большую свободу, и я без удержу предался различным страстям, застившим своею мглою свет Твоих истин; тогда выступило наружу все беззаконие мое и выросла, как на тучной ниве, неправда моя.

ГЛАВА IV

Закон Твой, Господи, закон, начертанный в наших сердцах, а равно и законы мирские преследуют и карают за воровство. И какой вор стал бы терпеть рядом с собою другого вора? Даже богач ненавидит вора, доведенного до этого нищетой. Я же воровал не от бедности и нужды, а из любви к неправде. Я украл то, что было у меня в изобилии; мною руководила не жажда обладать похищенным, а наслаждение от самого воровства и греха.

Неподалеку от нашего виноградника росла груша, вся покрытая плодами, вполне, впрочем, обычными и по виду, и по вкусу. Итак, мы, испорченные юнцы, отправились в глухую полночь (вот до какого часа продолжались наши уличные забавы!) отрясти ее и собрать свою добычу. Мы унесли оттуда большую ношу, но не для еды (мы готовы были выбросить все это свиньям), а ради совершения поступка, сладостного нам только потому, что он был запрещен. Так, Господи, серд-

це мое, над которым Ты сжалился, оказалось на краю бездны. Пусть теперь ответит оно Тебе, зачем стремилось оно ко злу безо всякой нужды и цели. Порочность моих поступков порождалась внутренней порчей; и я любил ее, любил свою погибель, свое падение и само дно любил я, падшая душа, низринутая из крепости Твоей; порок не был для меня средством, он был моей целью.

ГЛАВА V

Есть своя прелесть в красивых телах, и в золоте, и в серебре, и во многом другом подобном. Зрению, например, приятна гармония частей, другим чувствам приятны иные свойства. Своя красота есть и в земных почестях, и во власти, и в стремлении раба стать свободным. Но недопустимо одно: в погоне за всем этим нарушать законы Твои, Боже, и удаляться от Тебя. Много есть хорошего в этой нашей земной жизни, и лучшее из всего – дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Но как часто, увлекшись этими низшими благами, человек покидает лучшее и наивысшее – Тебя, Господи, правду Твою и закон Твой. Сладостны эти низшие блага, но не столь сладостны, как Ты, Боже, сотворивший все; «Праведник возвеселится о Господе и будет уповать на Него» (Пс. LXIII, 11), ибо Он – высшая улада праведных сердцем.

Когда спрашивают о причине, побудившей человека со-

вершить преступление, то, как правило, называют одну из двух; или стремление получить какое-либо из низших благ, или страх перед его потерей. Сами по себе эти блага могут быть красивы и почетны, но что они по сравнению с высшим Благом? Почему совершено убийство? Убийца влюбился в жену своей жертвы, или позарился на его имение, или же грабил его, по нужде ли, или из зависти, или тот преследовал его и хотел разорить, или нанес ему жестокую обиду. Кто поверит в убийство ради убийства? Даже если речь идет о бессердечном безумце, находившем радость в самой жестокости, приводится своя причина: «Дабы рука и душа не становились вялыми от бездействия»⁷. То есть он (Катилина) множил свои преступления затем, чтобы приобретать все новые почести, богатства и власть, не бояться законов и не отвечать за предыдущие преступления. Выходит, и Катилина любил не сами свои преступления, а совершал их ради чего-то другого.

ГЛАВА VI

Так что же меня, окаянного, влекло к тебе, постыдное воровство мое, презренный ночной проступок, совершенный мною на шестнадцатом году жизни моей? В самом воровстве, как воровстве, не было ничего привлекательного. Что

⁷ Саллюстий. Заговор Катилины, кн. XVI-ая, 3.

же мне сказать Тебе, Господи? Что были прекрасны плоды, как прекрасно и все, созданное Тобою, ибо Ты – прекраснейший и всеблагий Господь, Творец всего, высшее и истиннейшее Благо мое? Да, они были прекрасны, но не их желала душа моя. У меня их было предостаточно, причем гораздо лучших. Я своровал лишь затем, чтобы своровать; ворованное же я выбросил, ибо истинной добычей моей была неправда моя. А если какой из тех плодов я и попробовал, то лишь потому, что это был десерт, обедом же было само преступление. Но что это, Господи, был за обед! Была ли в нем красота справедливости и того разумения, что находим мы в нашем уме, памяти, живости чувств? Было ли в нем что-либо от прелести звезд, моря и земли? Увы, в нем не было даже той ущербной красоты, какую можно найти в обычном прелюбодеянии.

Как хочет прикинуться гордыня высотой души, хотя один Ты превыше всех, Господи мой; как честолюбие ищет почестей и славы, хотя лишь Тебя надлежит почитать и славить вовеки; как стремится жестокость внушить всем страх, но кого же бояться, как не Тебя, истинного Бога? Что вне власти Твоей? Что и как может укрыться от суда Твоего? И влюбленный ищет взаимности, но что прекраснее Твоей любви, что спасительное Твоего милосердия, что светлее правды Твоей? Любознательность ищет познаний, но где же истинные знания, как не в Тебе? Даже невежество и глупость пытаются прикрыться именами невинности и простоты, но

что проще и невиннее Тебя, Господи? Воистину, «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. VII, 17). Лень представляется желанием покоя, но только у Господа мы обретаем покой. Роскошь говорит: я — полнота и достаток; но только Ты — неиссякающая полнота и преизобильность щедрот; так что напрасно мотовство мнит себя щедростью. Скупость стремится овладеть многим, Ты же — владеешь всем. Зависть судится за превосходство, но что превосходит Тебя? Гнев жаждет мести, но Ты ли — не истинное отмщение? Страх, боясь превратностей судьбы, хочет обезопасить то, что любит, но кто отнимет у Тебя то, что любишь Ты? Люди печалются, потеряв то, чем утешалась их жадность, не желающая терять, но Ты не теряешь ничего. Так похотствует душа, отворотившаяся от Тебя и мнящая, что вне Тебя найдет то, что можно обрести только в Тебе. Удалившиеся от Тебя восстают против Тебя, как бы ища уподобления Твоей тени. Но даже и этим они свидетельствуют, что Ты — Творец мира, и вне Тебя нет ничего.

Итак, что же влекло меня к тому воровству? В чем стремился я уподобиться тени Твоей? Было ли мне приятно обмануть закон, открыто воспротивиться которому я не смел, и вот я, жалкий раб, безнаказанно создал себе иллюзию свободы, тень и подобие всемогущества? О, похоть и тщета жизни, о, бездонный колодезь смерти! Как манит то, что запретно, только потому, что запретно!

ГЛАВА VII

«Что воздам Господу» (Пс. СХV, 3) за то, что душа моя не приходит в ужас и трепет при воспоминании обо всем этом? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько неправды и зла. Рас-топил Ты, Боже милостивый, грехи мои, как лед. От скольких злодеяний ты удержал меня, бескорыстно готового на любое злодеяние! И я свидетельствую: Ты отпустил мне и те грехи, которые я соделал, и те, от коих Ты меня уберег. И кто из людей, творений немощных, может приписать самому себе целомудрие и невинность? Как обретет и сбережет он их без Твоего милосердного попечительства? И пусть избежавший того, в чем каюсь я, не смеется, читая эти строки; меня излечил тот Врач, Который предупредил его болезнь и не дал ей развиться. Пусть же он еще в большей мере возлюбит и возблагодарит Тебя, когда увидит, от скольких напастей и грехов Ты его уберег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.